

Лекция 5. Геополитические концепции второй половины 20 века

1. Атлантизм
2. Неоатлантизм
3. Мондиализм
4. Ноевразийство

Атлантизм. Развитие чисто атлантистской линии в геополитике после 1945 г. в основном представляло собой развитие тезисов Спайкмена. В 1956 г. ученик Спайкмена Д. Мейниг опубликовал труд “Хартленд и римленд в евразийской истории”. Мейниг подчеркнул, что “геополитические критерии должны особо учитывать функциональную ориентацию населения и государства, а не только чисто географическое отношение территории к Суше и Морю”. Он говорит о том, что все пространство евразийского Римленда делится на три типа по своей функционально-культурной предрасположенности:

1. Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия – пространства, органически тяготеющие к Хартленду.
2. Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия – геополитически нейтральные.
3. Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд – склонны к талассократическому блоку.

В 1965 г. У. Кирк развил тезис Спайкмена относительно центрального значения римленда для геополитического баланса сил. Опираясь на культурно-функциональный анализ Мейнига и его дифференциацию “береговых зон” относительно “теллуократической” или “талассократической” предрасположенности, Кирк выстроил историческую модель, в которой главную роль играют прибрежные цивилизации, от которых культурные импульсы поступают с большей или меньшей степенью интенсивности внутри континента.

Исходя из ряда положений, выдвинутых Маккиндером, британские геополитики особенно заинтересовались проблемой “географических единств”. В противоположность американским геополитикам, утверждающим “взаимосвязь” мировых путей и стратегических ресурсов, их британские коллеги возвращаются к исконной “теории больших хозяйственных целых”. Англия, по их мнению, принадлежит одновременно к двум таким географическим единствам. Одним из них британские геополитики считают Западную Европу, Англию и Америку.

Американский политолог С. Коэн в книге “География и политика в разделенном мире” предложил разделить все регионы Земли на четыре геополитические составляющие:

1. Внешняя морская (водная среда), зависящая от торгового флота и портов.
2. Континентальное ядро (nucleus), тождественное хартленду.
3. Дисконтинуальный пояс (береговые сектора, ориентированные либо внутри континента, либо от него).
4. Регионы, геополитически независимые от этого ансамбля.

Известный ученый и политик (бывший госсекретарь США) Г. Киссинджер, опираясь на идеи “дисконтинуальных поясов”, полагал, что политическая стратегия США состоит в том, чтобы объединить разрозненные береговые зоны в одно целое, что позволит получить атлантистам полный контроль над Евразией, над СССР.

Атлантизм, являясь геополитикой моря, не был чужд новым идеям, связанным с научно-техническим прогрессом, с научно-технической революцией в военной сфере. Появление новых типов вооружений поколебало приоритет Моря над Сушей. Потребовались новые доктрины, которые вместо двух важнейших элементов геополитики (Моря и Суши) должны были учитывать воздушное и космическое пространство, которые предполагают применение не только ядерного, но и плазменного, лазерного оружия. Эти два новых элемента получили название аэрократии (власть Воздуха) и эфирократии (власть Эфира, космического пространства).

Неоатлантизм. Победа над СССР в холодной войне требовала оригинальных геополитических моделей. Одна из них может быть названа пессимистической (для атлантизма). Она наследует традиционную для атлантизма линию конфронтации с Хартлендом, которая считается не законченной и не снятой с повестки дня вместе с падением СССР, и предвещает образование новых евразийских блоков, основанных на цивилизационных традициях и устойчивых этнических архетипах.

Этот вариант можно назвать «неоатлантизм», его сущность сводится в конечном итоге к продолжению рассмотрения геополитической картины мира в ракурсе основополагающего дуализма. Наиболее ярким представителем такого неоатлантического подхода является С.Хантингтон.

Вторая схема, основанная на той же изначальной геополитической картине, напротив, оптимистична (для атлантизма) в том смысле, что рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате победы Запада в холодной войне, как окончательную и бесповоротную. На этом строится теория мондиализма, концепция конца истории и единого мира, которая утверждает, что все формы геополитической дифференциации — культурные, национальные, религиозные, идеологические, государственные и т.д. — вот-вот будут окончательно преодолены и наступит эра единой общечеловеческой цивилизации, основанной на принципах либеральной демократии.

Концепцию Сэмюэла П. Хантингтона можно считать ультрасовременным развитием традиционной для Запада атлантистской геополитики. Смысл теории Хантингтона, сформулированный им в статье «Столкновение цивилизаций», сводится к следующему. Видимая геополитическая победа атлантизма на всей планете — с падением СССР исчез последний оплот континентальных сил — на самом деле затрагивает лишь поверхностный срез действительности. Стратегический успех НАТО, сопровождающийся идеологическим оформлением, — отказ от главной конкурентной коммунистической идеологии — не затрагивает глубинных цивилизационных пластов. Хантингтон вопреки Фукуяме утверждает, что стратегическая победа не есть цивилизационная победа; западная идеология — либерал-демократия, рынок и т.д. — стала безальтернативной лишь временно, так как уже скоро у незападных народов начнут проступать цивилизационные и геополитические особенности, аналог «географического индивидуума», о котором говорил Савицкий.

Хантингтон утверждает, что наряду с западной (атлантистской) цивилизацией, включающей в себя Северную Америку и Западную Европу, можно предвидеть геополитическую фиксацию еще семи потенциальных цивилизаций:

1) славяно-православная, 2) конфуцианская; 3) японская, 4) исламская, 5) индуистская, 6) латиноамериканская, 7) африканская.

По мнению С. Хантингтона, в нарождающемся мире источником конфликтов станет уже не идеология и не экономика, а важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. С точки зрения чистой геополитики - это означает точное следование принципам Мэхэна и Спикмена, причем акцент, который Хантингтон ставит на культуре и цивилизационных различиях, как важнейших геополитических факторах, указывает на его причастность к классической школе геополитики.

Мондиализм. Изначально, слово «мондиализация» использовалось по отношению к городам или муниципалитетам, которые объявляли себя городами «граждан мира». Современное значение - мондиализм — это движение, выражающее солидарность популяций на Земле, нацеленное на установление надгосударственных законов и федеративной структуры на всей планете, при уважении разнообразия культур и личностей.

Движение мондиализма выступает за образование новой политической организации, управляющей всем человечеством. Смысл сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру One World. По мере сосредоточения всей концептуальной и стратегической власти над Западом в США, именно это государство стало главным штабом мондиализма, представители которого образовали параллельную власти структуру, состоящую из советников, аналитиков, центров стратегических исследований. Так сложилось три основные мондиалистские организации, о самом существовании которых общественность Запада узнала лишь относительно недавно.

Первая - "Совет по международным отношениям" (Council on Foreign Relations, сокращенно C.F.R.). Ее создателем был крупнейший американский банкир Морган. Эта неофициальная организация была занята выработкой американской стратегии в планетарном масштабе, причем конечной целью считалось полная унификация планеты и создание Мирового Правительства.

В 1954 году была создана вторая мондиалистская структура Бильдербергский клуб или Бильдербергская группа. Она объединяла уже не только американских аналитиков, политиков, финансистов и интеллектуалов, но и их европейских коллег.

В 1973 активистами Бильдербергской группы была создана третья важнейшая мондиалистская структура "Трехсторонняя комиссия" или "Трилатераль" (Trilateral). Она возглавлялась

американцами, входящими в состав С.Ф.Р. и Бильдербергской группы, и имела помимо США, еще две штаб-квартиры в Европе и Японии.

Основная линия всех мондиалистских проектов заключалась в переходе к единой мировой системе, под стратегической доминацией Запада и "прогрессивных", "гуманистических", "демократических" ценностей.

Полицентрическая геополитика. В 60-х гг. среди исследователей наметился сдвиг от двухполюсной (океанически-континентальной) к полицентристской трактовке современного мирового сообщества. Новая расстановка сил на мировой арене привела к возникновению геополитических схем «полицентрического» мира. Определяющая роль в этом полицентрическом мире неизменно отводится США, которые для проведения своего внешнеполитического курса должны использовать все остальные страны. Среди авторов концепций - следует назвать Дж. Кроуна, Х. де Блая, Б. Рассета, Л. Кантори, С. Шпигеля и др. Типичны для этой группы исследователей позиции Сола Б. Коэна, который еще в начале 60-х гг. Коэн разделил мир на геостратегические районы, характеризующиеся общностью хозяйства.

Коэн выделил два типа регионов мирового масштаба: геостратегические и геополитические. К первому типу он относил ориентированный на торговлю мир морских держав и евразийско-континентальный мир. Коэн говорил также о возможности выделения самостоятельного региона стран Индийского океана, который возникнет на месте Британского содружества наций.

Концепция дисконтинуальных поясов была подхвачена такими ведущими американскими стратегами, как Генри Киссинджер, который считал, что политическая стратегия США относительно дисконтинуальных береговых зон состоит в том, чтобы соединить фрагменты в одно целое и обеспечить тем самым атлантизму полный контроль над Советской Евразией. Эта доктрина получила название «Linkage» (от англ. link — связь, звено).

Новая европейская геополитика. Европейская геополитика как нечто самостоятельное после окончания второй мировой войны практически не существовала. Лишь в течение довольно короткого периода 1959—1968 гг., когда президентом Франции был «континенталист» Шарль де Голль, ситуация несколько изменилась. Начиная с 1963 г. де Голль предпринял некоторые явно антиатлантистские меры, в результате которых Франция вышла из Североатлантического союза и сделала попытки выработать собственную геополитическую стратегию. Но, так как в одиночку это государство не могло противостоять талассократическому миру, на повестке дня встал вопрос о внутриевропейском франко-германском сотрудничестве и об укреплении связей с СССР. Отсюда родился знаменитый голлистский тезис — «Европа от Атлантики до Урала».

Вместе с тем к началу 70-х гг., когда геополитические исследования в США становятся крайне популярными, европейские ученые также начинают включаться в этот процесс.

Единственная непрерывная традиция геополитики, сохранившаяся в Европе с довоенных времен, было движение «новых правых». Благодаря просветительской и журналистской деятельности французского философа Алена де Бенуа, к этому направлению стали прислушиваться и в серьезных научных кругах. Одним из фундаментальных принципов идеологии «новых правых», был принцип «континентальной геополитики». В отличие от «старых правых» и классических националистов де Бенуа считал, что принцип централистского «государства-нации» (Etat-Nation) исторически исчерпан и что будущее принадлежит только «Большим пространствам».

Такая «Федеральная Империя» должна быть стратегически единой, а этнически дифференцированной. При этом стратегическое единство должно подкрепляться единством изначальной культуры. «Большое пространство», которое больше всего интересовало де Бенуа, это — Европа. «Новые правые» считали, что народы Европы имеют общее индоевропейское происхождение, единый исток. Это принцип «общего прошлого». Геополитические тезисы де Бенуа основываются на утверждении «континентальной судьбы Европы». В этом он полностью следует концепциям школы Хаусхофера. Из этого вытекает характерное для «новых правых» противопоставление «Европы» и «Запада». Из этого складывается конкретный проект «новых правых». Европа должна интегрироваться в «Федеральную Империю», противопоставленную Западу и США.

Неоевразийство. Последователи евразийцев сделали не только геополитические выводы из их наследия, но и сформировали целое направление в науке, получившее название «неоевразийство». Оно имеет несколько разновидностей.

Течение национальной идеократии имперского континентального масштаба, объединившиеся вокруг газет «День», «Завтра», журнала «Элементы», основывается на идеях П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилева и развивает их. Его представители противопоставляют либеральному западничеству и узкоэтническому национализму. В их исследованиях Россия — это ось геополитического «большого пространства». Ее задача и миссия — создание империи евразийского социализма. Либеральная экономика, создаваемая российскими реформаторами, по их мнению, — признак атлантизма.

А. Дугин считает, что эти реформаторы советский период российской истории рассматривают как модернистскую форму традиционного русского национального стремления к планетарной экспансии и «евразийскому антиатлантическому универсализму».

Теория пассионарности Гумилева обогащается учениями о «циркуляции элит» итальянского социолога В. Парето и религиозными взглядами школы европейских традиционалистов Генона и Эвола. Идеи традиционалистов — «кризис современного мира», «деградация Запада», «десакрализация цивилизации» и т.д. — являются важными компонентами этого течения неоевразийцев.

Другое течение современного неоевразийства опирается на идею континентального русско-иранского союза. Выбор исламских стран, прежде всего Ирана и Ирака, России в качестве своего стратегического союзника является базой антиатлантической стратегии на юго-западе Евразии. Представители данного течения неоевразийства совершенно не приемлют ни атлантизма, ни мондиализма. Эта разновидность неоевразийства имеет много точек соприкосновения с другими альтернативными геополитическими проектами: исламским «социализмом», европейским национал-большевизмом, теориями геополитиков стран Африки и Латинской Америки.

Еще одно течение неоевразийства поддерживает и развивает идеи, призванные воссоздать экономическое взаимодействие бывших республик СССР. Здесь речь идет в основном об «экономическом евразийстве». С этой идеей несколько лет выступал экс-президент Казахстана Н. Назарбаев.

Интерес к неоевразийству в России не угас и в начале XXI в. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в российских изданиях самых разных направлений.

Основным принципом нового движения, евразийской философии является принцип «цветущая сложность». Это можно понимать так, что под небом Евразии есть место представителям всех 130 народов, народностей и национальных меньшинств России. В политическом плане неоевразийцы, как подчеркивается в отчете, перешли на позиции политического центризма. Новое течение в русской политической и идеологической жизни открыто противопоставило себя атлантизму.

Общеметодологическим принципом евразийства является полицентризм. И русские евразийцы и неоевразийцы считали: «Европейский полицентризм предполагал, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира, Иберия и Китай — то же самое». По-иному смотрят на эту проблему многие другие видные ученые. З. Бжезинский пишет: «Евразия — это суперконтинент земного шара, играющий роль своего рода оси. Та держава, которая на нем доминирует, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионов планеты — Западной Европе и Восточной Азии». Чистые атлантисты (Хантингтон) предполагают, что за однополярность будет относительной, поскольку выигравший Запад (The West) будет вынужден постоянно улаживать нарастающие межцивилизационные конфликты со «всеми остальным миром» (The Rest), то мондиалисты (Фукуяма, Аттали) видят беспроblemную доминанту Запада над всей планетой как нечто уже случившееся.

Неоевразийцы России не могут согласиться с гегемонистскими притязаниями атлантистов и мондиалистов. Противостоять монополярности, по их мнению, может биполярность. Имеется в виду, что «новый континентальный альянс должен либо исключить в себя всю Европу до Атлантики и несколько важнейших секторов южного побережья Евразии — Индию, Иран, Индокитай и т.д., либо обеспечить дружественный нейтралитет этих же пространств, т.е. вывести их из-под контроля атлантизма». Особо подчеркивается, что новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках.

Есть и другая точка зрения на новое мироустройство. В XXI в. в качестве геополитического противовеса может выступить Китай. Для такого подхода есть много «за»: стремительный экономический рост КНР, огромная территория, не уступающая территории США, большой демографический потенциал, превосходящий более чем в 4 раза потенциал США, активная

динамичная внешняя политика, мощные быстро модернизирующиеся вооруженные силы и т.п. Но Китай на практике балансирует между атлантизмом и евразийством. И эта политика, по-видимому, будет продолжаться и в первые десятилетия XXI в.